

A
595

проф. А. Додашвили

ТБИЛИССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

РУСУДАН ДОДАШВИЛИ

**МАРИ БРОССЕ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ГРУЗИНСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

АВТОРЕФЕРАТ ДИССЕРТАЦИИ

на соискание ученой степени кандидата филологических
наук

4

Издательство «Наука»

Тбилиси—1964 г.

ТБИЛИССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

РУСУДАН ДОДАШВИЛИ

МАРИ БРОССЕ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ГРУЗИНСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

АВТОРЕФЕРАТ ДИССЕРТАЦИИ

на соискание ученой степени кандидата филологических
наук

Издательство «Наука»

Тбилиси—1964 г.

Официальные оппоненты:

Доктор филологических наук, профессор ТГУ Гаме-
зардашвили Д. М.

Кандидат филологических наук, профессор ТПИИ им.
А. С. Пушкина Бегнашвили Ф. М.

Защита диссертации состоится 1964 г. в ТПИИ
им. А. С. Пушкина (Тбилиси, проспект Ильи Чавчавадзе,
№ 32).

Автореферат разослан « » ——— 1964 г.

Известный грузинолог, академик Мари-Фелиситэ-Ксавье Броссе, благодаря которому Грузия впервые оказалась объектом научного исследования в Европе, занимает особое место среди иностранных друзей Грузии.

Широко образованный француз, знаток латинского, греческого, немецкого, английского, персидского, китайского, армянского, русского, грузинского языков, исходной точкой научных исканий которого явились непосредственно грузинская действительность, труды грузинских ученых, первоисточники истории Грузии и грузинской литературы, стал исследователем и популяризатором грузинской литературы как одной из главных отраслей грузинологии.

«Открытие» Грузии определило жизненный путь Броссе. Маленький фрагмент истории Грузии, хранящийся в «Национальной библиотеке» Парижа, возбудил большой интерес у Броссе и сделал его первым европейским грузинологом.

До Броссе даже существование грузинской литературы было едва известно в научных кругах Европы; хотя сама Грузия своей древней, своеобразной, многогранной, богатой культурой давным-давно привлекала внимание европейских ученых, но их труды о Грузии носили случайный или односторонний характер.

В отличие от них Броссе в совершенстве владел весьма нужными для изучения истории народа и литературы Грузии языками: греческим, армянским и грузинским.

Благодаря грузинологическим исканиям Броссе уже во Франции завоевал имя как способный и энергичный член «Парижского азиатского общества». В Париже Броссе в каждом номере периодического органа этого общества и «Азиатском журнале» печатал статьи о Грузии, где освещал вопросы грузинской письменности, грузинского языка, грамматики, лексикографии, эпиграфики, нумизматики, церковной и светской художественной и исторической литературы.

Часто рядом с именем Броссе встречалось имя его друга и учителя, большого грузинского ученого Теймураза Багратиони, труды которого Броссе переводил на французский язык и издавал.

Грузинологические искания привели Броссе в Петербургскую Академию наук, а затем в Грузию, которую он извездил вдоль и поперек и тщательно изучил.

Самоотверженный труд Броссе в области исследования истории Грузии и ее литературы был известен и высоко оценен его современниками в Грузии.

Хотя главной целью научной деятельности Броссе являлось изучение истории Грузии, но, основываясь на первоисточниках грузинской письменности, Броссе значительно внимание уделял и грузинской литературе.

Предметом данной работы является именно эта отрасль научной деятельности Броссе, ибо эта сторона его творчества весьма значительна для истории грузинской литературы. Многочисленные научные труды позволяют рассматривать Броссе как исследователя истории грузинской литературы классического периода и эпохи возрождения.

Так как о жизни и творческой деятельности Броссе на грузинском языке до сих пор не существует специальных исследований, автор данного труда по мере возможности излагает биографию ученого, дает общие сведения о его деятельности во всех отраслях грузиноведения, особенно в основной области его научных изысканий — историографии, которой уделена отдельная глава, где в общих чертах изложены факты создания самого фундаментального труда Броссе «История Грузии», что явилось результатом изучения его личного архива, существующих документов и литературных источников на грузинском, русском и, в основном, на французском языках.

Работа состоит из предисловия, десяти глав и заключения.

Глава первая. Воспитание Броссе. Броссе родился в Париже в 1802 году. Религиознонастроенная мать готовила своего сына к церковной карьере, но Броссе уже с юношеских лет начал увлекаться ориенталистикой. Самостоятельно изучив грузинский язык, Броссе после окончания духовной семинарии начал изучать историю Грузии под руководством известного ориенталиста — арменолога Сен-Мартена, одного из основателей «Парижского азиатского общества».

Глава вторая. Броссе — член «Парижского азиатского общества».

Броссе изучил все находящиеся в Париже грузинские источники, разбросанные по личным и государственным библиотекам, архивам и музеям. Но этого было недостаточно для широкого научного исследования истории Грузии. Броссе понял, что с Грузией может сблизиться через Россию, и начал изучать русский язык, чтоб в дальнейшем ознакомиться с музеями и библиотеками Петербурга и Москвы, где хранилась богатая литература о Грузии. Броссе завязал переписку с крупным грузиноведом — грузином, проживающим в Петербурге Теймуразом Багратиони, который с большим энтузиазмом пересылал Броссе исторические и литературные документы и разъяснял ему все непонятное.

Ориенталистические круги Франции единогласно признали значение научной деятельности Броссе для востоковедения и в 1825 году его избрали членом «Парижского азиатского общества». По переводам Броссе, печатающимся в «Азиатском журнале», во Франции, стало известно имя Теймураза Багратиони, который в 1831 году был избран членом «Азиатского общества».

Уже в начале грузинологических исканий Броссе начал думать о путешествии в Грузию. Несколько раз было возбуждено ходатайство перед французским правительством об осуществлении планов Броссе, касающихся его поездки в Грузию. Этим планам до 1847 года не суждено было осуществиться. Тем временем, несмотря на материальные затруднения, Броссе упорно продолжал бескорыстную научную деятельность в области грузинологии. Его плодотворная работа была по достоинству оценена «Азиатским обществом», и в 1834 году Мари Броссе был избран членом Совета названного общества.

Глава третья. Броссе в Петербурге. Научная деятельность Броссе стала известна и в Петербурге, где грузинологические искания давно находились в центре внимания петербургских ученых и были объектом изучения Академии наук. Всем было ясно, что в Грузии существовала обширная национальная литература и что эта страна была богата историческими памятниками, исследование которых ждало просвещенного ученого. Таким ученым в Петербурге считали Броссе и надеялись, что он может возглавить специальную кафедру грузинского языка и литературы, которую собирались в то время основать в Университете. В 1836 году Броссе

избрали членом-адъюнктом Петербургской академии наук. В 1837 году Броссе приехал в Петербург. Сбылись его мечты.

Состоялась встреча двух друзей, страстных грузинологов: учителя-грузина Теймураза Багратиони и ученика-француза Мари Броссе. Это положило начало настоящей, глубокой дружбе и творческому сотрудничеству двух ученых, стремящихся к одной цели—исследовать грузинскую древнюю культуру и популяризировать ее за рубежом.

Научную деятельность Броссе как в России, так и в Грузии поддерживали русские и грузинские научные круги и интеллигенция. По инициативе Броссе Петербургская академия наук приобретала ценные грузинские рукописи. В 1838 году Броссе едет в научную командировку в Москву, где собирает материалы, относящиеся к истории и литературе Грузии. В 1839—41 гг. в Петербургском университете и Академии наук Броссе читает публичные лекции по вопросам истории, географии, права, языка и литературы Грузии. Большую помощь оказывал Броссе Петербургской академии наук своим знанием китайского языка. В многосторонней деятельности Броссе привлекают внимание его труды о взаимоотношениях между Грузией и Россией.

В 1846 году умер Теймураз Багратиони. Броссе глубоко переживал его смерть и во многих трудах отмечал его большие заслуги перед грузинским народом и ориенталистикой. Под его руководством в 1847 году была издана «История Иберии» Теймураза.

Глава четвертая. Путешествие в Грузию. Юношеские мечты Броссе сбылись. Броссе тесно сблизился с Грузией. С каждым днем росло число корреспонденции из Грузии.

В 1847 году Броссе едет в Грузию, где в первую очередь печатает статью «О необходимости и способах изучить памятники старины Грузии». Его пребывание в Грузии было ограничено сроком в одиннадцать месяцев, что по его мнению, не было достаточным для ознакомления со всей страной. Вышеуказанная статья извещала грузинское общество о цели его приезда. В статье автор просил всех присылать ему материалы, освещающие вопросы истории и филологии Грузии. В Грузии Броссе сблизился с общественными деятелями, писателями, учеными, которые с большим рвением помогали ему в его исследованиях. Отчеты о работах, проведенных в Грузии, Броссе пересылал в Петербургскую академию наук, которая печатала их в своих бюллетенях.

Глава пятая. Грузинский язык и лексикография. Для того чтобы проследить пути развития научных исканий Броссе, нами уделено большое внимание его работам в области изучения грузинского языка и лексикографии. Броссе не довольствовался практическим овладением грузинского языка. Его грузинологические искания начались именно попыткой научно исследовать грузинский язык тогда, когда Европа не располагала ни соответствующими этой цели словарями, ни грамматиками. Броссе пытался составить словарь, опираясь на грузинскую и греческую «Библию». Так как оба текста очень схожи, он выписывал грузинские буквы, особенно из имен собственных, сравнивал их с греческими именами, составлял азбуку, обращая при этом внимание на особенности грузинского языка. В своих ранних работах о грузинском языке Броссе старался установить истоки происхождения грузинского языка, исследовать его строй и разработать его грамматику. Броссе стремился расширить свой словарный запас. Поэтому безгранична была его радость, когда ему удалось получить крупнейший лексикографический труд выдающегося грузинского баснописца и лексикографа Сулхана-Саба Орбелиани. Броссе ознакомил Европу со словарем Орбелиани.

Броссе подчеркивал богатство грузинского языка, его грамматических форм, синонимов, большие возможности образования простых и сложных слов; эластичность и ту легкость с какой этот язык создавал термины искусства и метафизики. В этом отношении Броссе ставил грузинский язык на один уровень с такими популярными языками, какими являются греческий и латинский.

По инициативе Броссе в 1840 году в Петербурге вышел «Грузино-Русско-Французский словарь» профессора Петербургского университета Давида Чубинашвили. Предисловие принадлежало Броссе. Броссе приходилось по несовершенным грамматическим пособиям и словарям овладевать грузинским языком, поэтому он критически относился к своим трудам. Это особенно касается его известной книги «L'Art Libéral», которая является как грамматикой, так и разговорником. При составлении этой книги Броссе опирался на существующие по этим вопросам труды, особенно на весьма значительную «Граматику» грузинского ученого Антония Католикоса. В своем обширном труде Броссе подробно излагает морфологию и синтаксис грузинского языка и при рассмотрении каждой части речи приводит текст грузинского сказочного произведения «Мирианиани» на грузинском и

французском языке. Издание «L'Art Libéral» привлекло внимание широких кругов европейских ориенталистов, для которых этот труд являлся ценным пособием для изучения грузинского языка.

Броссе все еще не был доволен достигнутым. Он продолжал переделывать и расширять этот труд, который вошел в его другую обширную работу «*Eléments de la langue géorgienne*», изданную в 1837 году.

Броссе в своих многочисленных трудах старался установить происхождение грузинского языка. В «L'Art Libéral» даны основные положения его теории: 1. Большая часть грузинских слов принадлежит общему фонду индо-германских языков, приближается к санскриту, древнеперсидскому и Zendскому. 2. Формы имени существительного, большая часть склонений и признаки сравнительной степени приближаются к санскритскому и Zendскому языкам. 3. То же, что было отмечено о существительных, можно сказать и о местоимении. 4. Формы спряжений, классификация этих форм аналогичны с персидским, санскритом и греческим. 5. Что касается синтаксиса и большинства слов, грузинский язык должен быть *suus juris* (самобытным).

С вышеуказанными взглядами не соглашался известный член «Азиатского общества», друг Броссе, Эжен Бюрнюф. Он считал недостаточными доводы Броссе об индоевропейском происхождении грузинского языка, но тут же отмечал заслуги Броссе в научном изучении и популяризации грузинского языка. В этом отношении весьма значительна переписка Броссе с известным немецким языковедом Боппом.

Как отмечал академик Арнольд Чикобава («Введение в языкознание», Тбилиси, 1952 г.), «...научному изучению языка был заложен фундамент в первой четверти XIX века... Марк Броссе не мог опереться на четко определенную систему языкознания и научно-обоснованные теории происхождения грузинского языка...».

При сравнении грузинского и армянского языков Броссе опирался на сходство их словарного материала, что вытекало из близости исторических судеб этих народов, а не из родства языков, хотя Броссе явно замечал, что синтаксис грузинского языка занимал особое место в системах языков и не сближался ни с одним знакомым ему языком.

Броссе доказал Европе, что грузинский язык, словарный фонд которого очень богат, в течение многих веков совершенствовался как лексикологически, так и грамматически, что в

Грузии существовали весьма серьезные лексикографы и грамматисты.

Глава шестая. Грузинская классическая литература. Броссе в самом начале изучения грузинского языка ознакомился с гениальным произведением классической эпохи Грузии «Витязь в тигровой шкуре» Шота Руставели. Общее представление о грузинской литературе у Броссе сложилось благодаря труду Евгения Болховитина «Историческое изображение Грузии в политическом, церковном и учебном ее состоянии». Ознакомившись с историей Грузии, «Витязем в тигровой шкуре» и «Библией», Броссе не сомневался, что Грузия до IV века имела письменность и национальную литературу.

В первом периоде возникновения письменности народов Броссе большое значение придавал для развития национальной литературы переводческой деятельности и проводил параллели между грузинской церковной литературой и европейской, которая, в свою очередь, питалась латинской и греческой литературой.

Наряду с церковной литературой Броссе подметил очень раннее развитие грузинской классической светской литературы, о котором не могла, по его мнению, даже мечтать Европа того же периода. Он особенно подчеркивал реалистический характер грузинской светской литературы.

Научному изучению «Витязя в тигровой шкуре» Броссе посвятил труд «*Recherches sur la poésie géorgienne*» (Исследование грузинской поэзии, 1830—31 гг.). Броссе уже тогда старался разбираться в художественных достоинствах поэмы Руставели. В начале своих грузиноведческих исканий он считал обязательным изучение именно тех вопросов, которые и поныне считаются основными проблемами руствелологии, а именно: автор поэмы, время создания поэмы, место действия произведения, стиль, поэтика, имена действующих лиц, метод перевода поэмы на иностранный язык. В распоряжении Броссе имелись два рукописных экземпляра этого произведения, хранящиеся в «Национальной библиотеке» Парижа. Броссе рассматривал композиционные особенности поэмы, старался доказать, что персонажи—грузины, что произведение создано на национальной почве.

Широкий размах вдохновения Руставели, его смелые сравнения, неожиданные и удивительные словосочетания, богатство и разнообразие стиля, особенно свежесть содержания и формы, отмечались Броссе и давали ему возможность

сказать, что «Витязь в тигровой шкуре» — шедевр не только в грузинском масштабе, а во всемирном.

В этом огромном произведении Броссе видел реминисценции творчества Гомера, святого писания. Броссе проводил параллель с арабской литературой, в частности с «Тысяча и одна ночь». Броссе подчеркивал огромную эрудицию Руставели. При изучении текста он часто письменно обращался к Теймуразу Багратиони, который любовно разъяснял ему все непонятные места, давал сведения о личности Руставели.

Уже в 1828 году Броссе издал французский прозаический перевод одного отрывка из «Витязя в тигровой шкуре» („Première histoire de Rostéwan...“) и в дальнейшем продолжал переводить это замечательное произведение. Он считал перевод поэмы очень сложным делом, ибо главным ее преимуществом ему казался стиль, сохранить который в переводе было бы очень трудно. По его мнению, художественное произведение должно пленять, обвораживать читателя. Если бы Руставели родился во Франции, а не в Грузии, он написал бы свое произведение во вкусе французов, в соответствии с их обычаями, настроениями. Поэтому перевод должен быть не дословным, не очень отдаленным, а художественным адекватным оригинала.

Во время пребывания Броссе в Петербурге поэма «Витязь в тигровой шкуре» в издании царя Вахтанга VI (1712 г.) являлась библиографической редкостью. Вместе с грузинскими учеными Захарием Палавандишвили и Давидом Чубинашвили Броссе взялся за подготовку нового издания этой поэмы, которое вышло в 1841 году. Предисловие к нему принадлежало перу Броссе и являлось большим вкладом в руствелологию. Здесь первый раз в истории грузинской литературы дается художественно-идейный анализ «Витязя в тигровой шкуре». Броссе считал совершенно бесспорным, что поэма Руставели — самобытное грузинское произведение; этого мнения он придерживался еще в 1831 году, когда в своем «Исследовании грузинской поэзии» заявлял: «...итак я думаю, что «Витязь в тигровой шкуре» по форме индийское, по именам персонажей — персидское, а в остальном грузинское произведение». Основываясь на этом соображении, Броссе искал корни поэмы Руставели в грузинской действительности, в истории Грузии. «Витязь в тигровой шкуре» Броссе считал «Илиадой» Грузии, где проповедовалась высокая мораль.

Броссе отрицал не только иностранное происхождение сюжета поэмы, но и всякое влияние иностранной литературы.

Издание поэмы 1841 года было снабжено словарем труднопонятных слов. Словарь принадлежал перу Броссе, который при его составлении в основном опирался на комментарии Теймураза Багратиони.

Броссе уделил большое внимание и творчеству другого поэта классического периода — Чахрухадзе.

В результате общего ознакомления с руствелологическими трудами Броссе становится ясным его вклад в дело изучения «Витязя в тигровой шкуре», как с точки зрения сопоставления с памятниками грузинской литературы, так и в аспекте всемирного художественного слова. Хотя Броссе не удалось до конца изучить и разрешить все выдвинутые им проблемы, но он был настолько одаренным и образованным исследователем, что смог разобратся в специфике и архитектонике этого никем до него не исследованного эпоса в Европе и сказать о нем первое слово. Лишь со временем в результате современных научных исследований стало ясно, что концепция Броссе об оригинальности поэмы, художественной оценке ее, о понимании текста, в основном, была правильной.

Перу Броссе принадлежит первый критический обзор грузинского эпического произведения «Амиран-Дареджаниани» Мосе Хонели, о котором французский ученый в 1837 году в периодическом органе Академии наук „Bulletin scientifique“ (т. III) напечатал труд „Analyse du roman géorgien Amiran Daredjaniani“. Следуя традиции, созданной в Грузии, Броссе считал автором этого произведения Мосе Хонели. Он рассматривал язык, композицию и художественные приемы писателя.

Грузинская художественная литература, отмечал Броссе, является отражением грузинской действительности, выражает настроения и склонности Грузин. Поэтому литературные персонажи, подобно грузинским воинам, беспримерные бойцы, искатели приключений, изысканные рыцари, обладающие большой физической силой, мужеством, отвагой, благовоспитанные златоусты, самоотверженные люди.

Броссе находит сходство между грузинскими «витязями» и «рыцарями» средневековой Европы и полагает, что рыцар-

ские нравы должны были возникнуть именно в Грузии, что для горячего темперамента Грузин более характерны все аксессуары странствующего рыцарства, чем для холодных европейцев.

В результате изучения языка, лексики, нравов персонажей, культа женщины, вассалосюзеренных взаимоотношений Броссе склонялся к мысли, что «Амиран-Дареджаниани» создан на местной почве в великую эпоху царицы Тамары.

При изучении архитектоники этого произведения Броссе первый обратил внимание на то, что тринадцатая и четырнадцатая главы не вплетены органически в произведение, что они не принадлежат перу создателя «Амиран-Дареджаниани». Научно-литературная интуиция привела Броссе к такому верному заключению. Выводы Броссе о художественных особенностях «Амиран-Дареджаниани», о стиле, композиции, равно как и проблема оригинальности «Витязя в тигровой шкуре» в наше время разделяются всеми учеными, благодаря чему роль исследователя грузинской литературы Броссе не ограничивается историческим значением и не теряет актуальности. Мнения Броссе о памятниках грузинской литературы, его утверждения, что они являются отражением действительности Грузии, тем более важны, что некоторые грузинологи в Европе считают «Амиран-Дареджаниани» переводом с персидского.

Смелые высказывания Броссе, сделанные сто лет тому назад, в основном касающиеся вопросов генезиса древней грузинской литературы, находят признание и одобрение и в современной филологии.

Глава седьмая. Литература периода возрождения.

В «Парижской национальной библиотеке» Броссе нашел образец грузинского сказочного эпоса «Мирианиани». Простой разговорный язык этого произведения привлек внимание Броссе. Он перевел его и напечатал в «Азиатском журнале» (1835 г. т. XVI, 1836 г. т. I). С французского перевода Броссе несколько отрывков были переведены на английский язык и напечатаны в английском «Азиатском журнале» (1836 г. т. XVIII, 1837 г. т. XXII).

К этому же жанру относится «Русуданиани». Это произведение благодаря критическому обзору, сделанному Броссе „*Notice du roman géorgien intitulé Roussoudaniani*“ (1838 г.) стало достоянием науки. В разработке «Русуданиани» Броссе признавал примат востока перед западом и твердо

был убежден, что для умственного продвижения и политического положения Европы большое значение придавалось восточному-*ex oriente lux!*

Броссе причислял «Русуданиани» к той категории грузинского художественного творчества, которая характеризовалась тремя главными качествами: описанием героических подвигов персонажей, чудесных ситуаций и идеальных стремлений. Броссе увлекательно перевел на французский язык описание главной героини произведения — прекрасной Русудан.

В отношении языка и стиля Броссе уделяет «Русуданиани» значительное место в грузинской художественной литературе. Лексика этого произведения, где скрещивались старый и современный языки, привлекала внимание французского исследователя.

В грузиноведческих исследованиях Броссе особое место занимает его „*Discours prononcé à l'assemblée générale de l'Académie des sciences*“ (1838 г.). В этом докладе Броссе подводил итоги своей ранней научно-исследовательской деятельности и намечал программу дальнейших исканий. В этом же докладе Броссе рассматривал творчество царя Арчила — «Арчилиани», литературную деятельность царя Вахтанга VI, католикоса Антония и художественное наследие Сулхана-Саба Орбелиани.

Наряду с этим Броссе уделил внимание творчеству Давида Гурамишвили, его жизни и деятельности, а в особенности его поэтике.

Давида Гурамишвили Броссе причислял к тем замечательным поэтам, творчество которых привлекает внимание читателей добродушной философией, религиозным настроением, светлым юмором и искренней простотой.

Среди грузинских писателей одно из первых мест уделяет Броссе поэту XVIII века Виссариону Габашвили. Как образец поэтического таланта Бесики, он приводит стихотворение «В саду печали» довольно удачно переведенное им на французский язык. Броссе считал, что для сатиры Бесики характерны острота языка и ядовитость насмешек, а его стихи проникнуты ароматом утонченных и изысканных чувств.

Исследуя художественное наследие писателей периода возрождения, Броссе старался отметить закономерность развития грузинской культуры. Если вспомним к тому же, что грузинский мир был новым для Броссе и с научной точки

зрения не изученным, нельзя не отметить значительную ценность его догадок и определений для грузинской филологии.

При изучении вопросов древней грузинской литературы, при оценке художественных образов, мотивов и формы произведений, каждый грузинолог, который попытается сказать новое слово о вопросах, выдвинутых французским ученым столет тому назад, должен быть благодарен Броссе за его глубокие знания, тонкий вкус и необычайную добросовестность.

Глава восьмая. Литература XIX века.

Еще при жизни французского ученого в Грузии переводились его труды, высоко ценилась его грузинологическая деятельность передовыми деятелями Грузии. Броссе уделял внимание и современной ему литературе. В его архиве хранится французский перевод произведения Ильи Чавчавадзе «Человек ли он?» Увлеченный, главным образом, древней грузинской филологией, он интересовался и литературой XIX века. От его внимания не ускользнул генезис грузинской литературы, начиная с героико-сказочного эпоса и кончая реалистическим течением.

Глава девятая. Издание истории Грузии.

Главной целью многосторонних грузинологических исканий Броссе являлось изучение истории Грузии и, на основании первисточников, подготовка издания фундаментального труда «Истории Грузии».

Начиная с 1830 года, когда он в Париже издал «Грузинскую хронику», Броссе неустанно старался расширить свои познания в этой области. Он перевел «Географию Грузии» Вахушти Батонишвили. Изучил все труды историографов, ознакомился с многочисленными первоисточниками истории Грузии: в 1849 году завершился его тридцатилетний труд выходом в свет в Петербурге первого тома его «Истории Грузии» на грузинском и на французском языках. Перевод принадлежал Броссе. Всего вышло семь томов. Третий том, изданный только на французском языке, был оригинальным произведением Броссе. Это были его «Дополнения и разъяснения» к истории Грузии.

Несмотря на такой капитальный труд, Броссе считал, что еще многого не хватало для полного изучения истории Грузии, в особенности в области этнологии, лингвистики, эпиграфики. Здоровье Броссе с 1878 года серьезно расшаталось. В 1880 году он был вынужден покинуть суровый климат Петербурга и поехать на родину. В 1880 г., 3 сентября, в Шателро, у своей старшей дочери, простился с жизнью неуто-

мимый искатель грузинской старины — Мари Броссе. Грузинская, русская и армянская общественность со скорбью простилась с ним.

К столетию его рождения грузинское передовое общество, во главе с великим писателем Ильей Чавчавадзе, одну из улиц Тбилиси назвало его именем. Торжественно был отмечен этот день. Илья Чавчавадзе послал поздравительную телеграмму сыну Броссе, в ответе которого выражалась большая благодарность грузинскому обществу. Он писал, что отец завещал ему любовь к Грузии. Свято следуя завещанию отца, достойный сын Мари Броссе, Лоран Броссе, с большой любовью и старанием создал прекрасную библиографическую книгу, посвященную обширной научной деятельности отца. Эта книга является путеводителем для всех тех, кто возьмется за изучение огромного наследия Броссе. По этому путеводителю пришлось идти и автору данного труда.

Глава десятая. Грузинские каталоги. Броссе, неустанно старавшийся глубоко изучить культуру Грузии, стремился ознакомиться с богатой грузинской литературой широкие слои общества вне границ Грузии. Уже будучи во Франции, он начал печатать каталог грузинских книг. На пути своей творческой деятельности он встречался со многими лицами, скептически относящимися к его убеждениям о существовании древней культуры Грузии и ее исторических и литературных памятников. Чтоб рассеять такое недоверие, Броссе опубликовал в 1837 году в Париже толковый каталог грузинской литературы. Каталог этот, в основном, содержал описания рукописных фондов «Азиатского общества», манускриптов и печатных книг Парижской Национальной библиотеки и коллекций частных лиц. Тут же даны наименования тех произведений, с которыми он был знаком по письмам Теймураза Багратиони, и список грузинских книг, составленный и пересланный в Париж академиком Петербургской академии наук Френем. В этом каталоге приводятся библиографические сведения, взятые из лексикографического произведения Сулхана-Саба Орбелиани и из описаний грузинских книг иверского монастыря на Афоне, книгохранилищ Вены и Рима. В каталоге каждая отрасль литературы занимает отдельную главу.

Список оказался очень обширным, что давало повод Броссе думать, что существует гораздо большее количество

памятников грузинской литературы, которые ему были еще не известны. Этот каталог грузинских книг Броссе поместил в конце своего фундаментального труда „*Eléments de la langue géorgienne*“ под заголовком „*Tableau raisonné de la littérature géorgienne*“ — Толковый список грузинской литературы.

В Петербурге литература Грузии была более доступной. Броссе получил от Теймураза Багратиони каталог его собственной и других частных библиотек. Ознакомившись со многими книгами в Петербурге и в Москве, Броссе в 1838 году составил каталог и поместил его в конце своего труда „*Cours prononcé à l'assemblée générale de l'Académie des sciences*“. Более обширен его каталог, изданный в 1877 году, который представлял первую часть его труда „*De la littérature romanesque géorgienne*“.

В этом каталоге Броссе не довольствуется комментариями, он освещает весьма значительные вопросы истории литературы Грузии.

Примечательно, что в 1840 году Броссе ознакомился с каталогом Иллариона Афонского, перевел его на французский язык и переслал в Париж своему другу, ориенталисту-арменологу Виктору Ланглуа, который издал его в 1867 году.

Для дальнейшего исследования грузинской литературы особенно важны классификация грузинских произведений, определение их значения и их издание. Особое значение имело обнаружение тех памятников, которые в ожидании публикации являлись собственностью частных лиц или хранились в труднодоступных коллекциях. К тому же нужно отметить то обстоятельство, что в эту пору еще не существовала такая история литературы Грузии, где полностью были бы освещены памятники грузинской литературы. Этот пробел чувствовался особенно по церковной литературе, ибо интерес к ней был ограничен. Поэтому можно сказать, что каталоги Броссе явились своего рода основанием для систематического изучения грузинской литературы. Они представили памятники грузинской литературы как бы в единой архитектонике, углубили научный интерес к литературе большого содержания, каковой являлись тогда в глазах европейцев литература и вообще культура Грузии, в ту пору известная лишь по отдельным памятникам вне ее границ. Изучение этих

памятников ждало целых поколений ученых, одним из них и является Мари Броссе.

Заключение. Опираясь на первоисточники истории Грузии, Броссе заявлял, что Грузия уже давно заняла почетное место среди тех стран, письменность которых давно привлекает внимание Европы.

Знатор грузино-армянских языков и истории этих стран, Броссе понимал, что Грузия и Армения исторически были связаны друг с другом и исследование истории одной из них ставило перед учеными двойную задачу — изучить историю одной страны параллельно с другой. Перу Броссе принадлежат многочисленные труды по истории и литературе Армении.

Как отмечал академик Н. Марр «...в ориенталистической науке тогда в отношении Грузии чувствовался лишь пробел по истории Грузии, был спрос на новые, какие либо исторические сведения грузинских источников. На Броссе, естественно, падала обязанность заполнить этот пробел».

Броссе прекрасно чувствовал этот пробел в изучении истории и литературы Грузии. Он безошибочным чутьем угадывал, что требовалось тогда в первую очередь для исследования истории Грузии: первоисточники, ради нахождения и изучения которых он не щадил себя.

Броссе печатал почти все, что находил по вопросам истории Грузии. Иногда эти материалы не были достаточно разработаны, но он считал, что лучше показать научным кругам общества как можно большее количество первоисточников, пусть даже не исследованных и не изученных до конца, чем совсем не опубликовать их. Броссе как бы готовил почву тем исследователям, которые должны были явиться вслед за ним и обработать вспаханную им землю.

Многосторонняя и добросовестная научная деятельность Броссе не прошла бесследно. Он создал прочную традицию изучения первоисточников истории и литературы Грузии.

Рожденный и выросший во Франции, Броссе в своих научных исканиях всегда опирался на грузинскую действительность и грузинские первоисточники. Все его творчество являлось либо продолжением, либо углублением воззрений и мнений грузинских ученых.

* * *

Большая часть диссертации опубликована в 1962 году на грузинском языке издательством «Сабчота Сакартвело» под заглавием «Мари Броссе — исследователь грузинской литературы» (6,2 п. л.).